

Е.Ю. МЕЛЕШКИНА*

ПАМЯТЬ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЫВШИХ РЕСПУБЛИК СФРЮ¹

Аннотация. В статье выявляются общие черты и страновые различия политики памяти по отношению к Югославии и связанных с ней событий прошлого в республиках бывшего СФРЮ. Анализируются компоненты «позитивного» и «негативного югославизма», югоностальгии и титостальгии, показывается различие между использующими их политическими силами. Выявляются контуры конфигурации политики памяти по отношению к Югославии в Сербии и Боснии и Герцеговине. На этих примерах показывается, как различие в условиях их развития влияет на наполнение и распространение «позитивного» и «негативного югославизма».

Ключевые слова: политика памяти; мнемотические акторы; социалистическая Югославия; новый югославизм; югоностальгия; титостальгия.

Для цитирования: Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 265–289. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.11

* **Мелешкина Елена Юрьевна**, доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН (Москва, Россия), профессор МГИМО (У) МИД РФ (Москва, Россия), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru

Meleshkina Elena, Political Science Department (Moscow, Russia), INION RAN, MGIMO University, e-mail: elenameleshkina@yandex.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

© Мелешкина Е.Ю.

DOI: 10.31249/poln/2018.03.11

E.Yu. Meleshkina
Memory of socialist Yugoslavia in public sphere
of the former SFRY republics

Abstract. The article highlights the features and national varieties of memory politics about Yugoslavia and bounded past events in post-Yugoslav states. The traits of «positive» and «negative Yugoslavism», Yugo-nostalgia and Titostalgia are analysed as well as difference between political actors addressing to them in their rhetoric. The scopes and configurations of memory politics about Yugoslavia in Serbia and Bosnia and Herzegovina are revealed. The article shows the influence of different conditions on the content and extension of «positive» and «negative Yugoslavism».

Keywords: memory politics; mnemotic actors; socialist Yugoslavia; new Yugoslavism; Yugo-nostalgia; Titostalgia.

For citation: Meleshkina E.Yu. Memory of socialist Yugoslavia in public sphere of the former SFRY republics // Political science (RU). – M., 2018. – N 3. – P. 265–289. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.11

В ряду посткоммунистических стран особый интерес представляют те республики, которые появились в результате распада больших государственных образований: СССР и СФРЮ. Несмотря на то что новые независимые государства в значительной степени отличаются друг от друга по ряду характеристик, их объединяет нерешенность задач формирования нации, опыт существования в составе больших политий и ностальгия по тем временам части населения. Отношение к этому опыту и его использование в политике памяти является важной составляющей современной символической политики в этих странах и используется в различных проектах формирования национальной идентичности, конструирования и консолидации нации и ее границ. Данная статья посвящена общим чертам и страновым различиям политики памяти по отношению к Югославии в республиках бывшего СФРЮ. Казусы республик бывшей Югославии, переживших драматические события в процессе ее дезинтеграции, интересны не только для понимания процессов, происходящих в этих странах, но и для объяснения и понимания событий, связанных с политикой памяти на пространстве бывшего СССР.

Коллективная память и югославизм

На политику памяти в республиках постъюгославского пространства в значительной степени повлияли гражданские войны, этнические чистки, разрушения в больших городах, таких как Мостар, Вуковар, Сараево, и другие подобные события. Под их влиянием трансформировалась политика по формированию новой идентичности, в которой переосмыслению, созданию новых трактовок и образов недавних событий стало придаваться особое значение как одному из средств конструирования и консолидации нации и его границ. Как отмечает Р. Брубейкер, нацию можно рассматривать как «точку-зрения-на мир» [Брубейкер, 2012]. Соответственно соотношение возникающих и конкурирующих нарративов, официальная политика памяти во многом определяют нынешние и будущие контуры национальной идентичности и наций в целом.

Обстоятельства, связанные с дезинтеграцией Югославии, специфика новых независимых государств и нерешенность вопросов формирования нации и государств актуализировали противоречия между трактовками национальной общности, основанными на гражданских или государственных и иных, в том числе этнических, критериях или, как определяет Р. Брубейкер, между «государственно-фреймированными» и «контргосударственными» трактовками. Первый вариант членства и идентичности базируется на принадлежности к определенному государству с его территорией и институтами, второй – на иных, альтернативных ему основах.

«Контргосударственный» вариант получил широкое распространение на территориях бывшей СФРЮ. Причем в его границах развиваются не только трактовки нации, основанные на этнических критериях, но и иные подходы, которые также можно отнести к «контргосударственным», в частности создающие и использующие ностальгические образы бывшей социалистической Югославии.

Ностальгические настроения представлены практически во всех государствах бывшей Югославии [Buric, 2010; Velikonja, 2008; Volčič, 2007] и бывшего СССР¹. В частности, по данным Ин-

¹ В частности, опрос, проведенный «Левада-центром» в России в марте 2016 г. (было опрошено 1600 человек в 48 регионах), свидетельствовал, что 56%

ститута Гэллапа, в 2017 г.¹ [Many in Balkans] значительная доля жителей стран бывшей Югославии считали, что распад СФРЮ принес их стране вред, а не пользу. Этот показатель варьируется от страны к стране. Такой позиции придерживались 81% сербов, 77 – босняков и 65 – черногорцев, 61% македонцев. Противоположную позицию занимали 4% сербов, 6 – босняков, 12 – македонцев и 15% черногорцев. Иную картину можно наблюдать в Хорватии и Косово. В первой 55% населения полагали, что распад Югославии был благом для их страны и только 23% заняли противоположные позиции (для сравнения – в Словении соответствующие мнения высказали 41 и 45% респондентов соответственно). В Косово сторонников этих позиций насчитывается 75% и 10%.

Проявления ностальгии по Югославии заметны в быту и в повседневной жизни. Это и элементы дизайна, схожие в разных республиках постъюгославского пространства, и творчество рок-групп, использующих югославский контекст для своих песен [Volčič, 2007]. Это и символика футбольных команд. Например, в Сербии две основные команды продолжают использовать красную звезду как часть своей эмблемы и названия, имеющие социалистическое происхождение («Партизан» и «Красная Звезда»). Это также кинофильмы и выставки, например выставка «Хорошая жизнь» в Белграде в 2013 г.

Тематика, связанная с существованием бывшей СФРЮ, различными аспектами его возникновения, существования и распада, актуальна и для публичной повестки дня в этих странах.

Анализ публичной повестки дня и деятельности тех, кто «делает память» (memory makers; в отличие от «потребителей памяти» – memory consumers [Kansteiner, 2002, 180], или мнемонических лидеров представляется особенно важным для понимания конфигурации пространства коллективной памяти. Как отмечают исследователи, индивидуальная память быстро стирается, а воспоминания возникают тогда, когда коммуникативная активность мнемонических акторов помогает «вспомнить» [Rekšć, 2016]. Поэтому анализ деятельности мнемонических лидеров по формированию и воспроизводству позитивного или негативного воспри-

респондентов сожалеют о распаде СССР, 68% хотели бы восстановления СССР сейчас [«Левада-центр»].

¹ Были опрошены 1000 жителей бывших республик Югославии.

ятия социалистической Югославии важен для понимания различных конкурирующих проектов национальной идентичности и их конфигурации, возможных будущих контуров общего проекта.

Апелляция к позитивному или негативному опыту социалистической Югославии используется мнемоническими лидерами для решения разных общественных и политических задач. Это объясняется тем, что действия этих акторов, наполняющих исторические факты специальным символическим значением, определяются конкретными политическими интересами или идеологией, с которой они себя идентифицируют [Rekšć, 2016], и контекстом, в котором они действуют. В связи с этим адаптация фреймов памяти может сопровождаться отбором, позиционированием и замалчиванием [Jusić, 2008, p. 54–58], поэтому коллективная память в целом селективна и подвержена манипуляции.

Различая «позитивный» и «негативный югославизм», М. Великоня отмечает актуальность дискуссий между ними для формирования публичного дискурса всех стран постъюгославского пространства. «Позитивный югославизм» основан на ностальгических чувствах, «негативный» – на критике бывшего государства, неодобрительном отношении к ностальгии по нему и предложением по усилению межрегионального сотрудничества [Velikonja, 2009]. Значимость противоречий между этими формами восприятия прошлого для политической жизни стран постъюгославского пространства подтверждают дискуссии и разногласия в Боснии и Герцеговине относительно референдума в Республике Сербской по поводу ее национального праздника, споры между Косово и Черногорией по поводу границ, множественные инциденты между Загребом и Белградом, послужившие поводом для оценки отношений между этими двумя странами в ряде СМИ как «Балканская холодная война», и другие факты.

Производители позитивной памяти о Югославии и их оппоненты различаются по своим политическим ориентациям. Характеристики, выделенные И. Спасич по отношению к сербским мнемоническим лидерам, могут быть с некоторыми оговорками распространены и на другие страны постъюгославского пространства. Согласно ее выводам, позитивное восприятие Югославии характерно для большинства представителей либеральной, проевропейской и космополитической элит, а также для совсем небольшой части националистически настроенных элит [Spasić, 2013, p. 205].

Основная часть националистически настроенной элиты относится к Югославии негативно.

Позитивное восприятие и позитивные оценки социалистической Югославии и событий, связанных с ней, также не гомогенны. Исследователи отмечают, что существует не один образ Югославии, а несколько. В частности, М. Великоня определяет дискурс вокруг памяти о Югославии в странах постъюгославского пространства как «обширную, многослойную шизофреническую и конфликтную идеологию, которая родилась одновременно внутри современных границ и вне их» [Velikonja, 2012, p. 84]. Для обозначения этого явления используется термин «новый югославизм», который допускает наличие различных противоречивых мыслительных конструкций и образов, а также множество аргументов, исключающих один другой. Новым это явление исследователь называет, потому что оно характерно в том числе для людей, которые не жили в эпоху, ностальгический образ которой разделяют или создают.

Восприятие Югославии в публичном пространстве и югоностальгия

Наличие нескольких позитивных образов Югославии тем не менее позволяет выделить общие идеи, в той или иной степени нашедшие в них свое отражение.

Часть этих идей, наиболее привлекательных для рядовых граждан (особенно в сложных социально-экономических условиях), относятся к социокультурной сфере. Исследователи отмечают такие, наиболее распространенные извлеченные из контекста черты позитивного образа Югославии, как относительно бесконфликтное существование разных народов на территории Югославии, более однородная и солидарная социальная и культурная среда, отсутствие безработицы, общественный порядок, спортивные достижения и ряд других.

Яркий пример, как эти черты могут использоваться для формирования позитивного образа Югославии, – клип «Justalgia», созданный хорватским рэпером Прики (Х. Рахмановичем) совместно с режиссером и художником Ф. Филовичем. В нем представлен сценарий развития Югославии в ее прежних границах. Если

бы страна смогла обойтись без потрясений и преодолеть конфликты, то сейчас она была бы экономически развитой, политически прогрессивной и богатой в социокультурном плане. Европейский союз был бы более социально ориентированным, а НАТО – более слабой. Основным достоинством такого развития событий было бы сохранение пространства для мирной жизни на большой и разнообразной территории без стереотипов, ярлыков и границ¹.

Другая идея, лежащая в основе позитивного образа социалистической Югославии, заключается в том, что большие государства имеют больше ресурсов, возможностей и влияния на международной арене. Э. Кустурица, например, так объясняет свои югоностальгические ориентации: «Югославия, созданная в 1945 году маршалом Тито, была большим государством. Это была современная и мощная страна. Именно та Югославия сделала Балканы впервые за многие века стабильными. Самое большое сожаление о той Югославии. Она не была ни Востоком, ни Западом. Я тоскую по той стране, с ее распадом, с ее разрывом на мелкие части мы получили нестабильные Балканы, которые всегда были под присмотром разных спецслужб» [Качалин].

Эта составляющая часть позитивного отношения к Югославии и югоностальгии в некоторой степени опирается на идеи панславизма, общности малых славянских народов. Позитивный образ Югославии нередко совмещается с положительным отношением к европейской интеграции и участию в Европейском союзе [Rekšć, 2016].

Мнемонические лидеры, придерживающиеся антиюгославских и националистических взглядов, часто связывают идеи интеграции с коммунистической системой. Для характеристики югославского государства они иногда используют термин «тюрьма народов» [Husanović, 2010, p. 101–103]. С момента распада федерации этноцентрически ориентированные лидеры выбирают стратегию отрицания всего югославского, характеризуя его как антинациональное и непатриотическое [Petrović, 2012, p. 127].

Негативное отношение к Югославии часто совмещается с критикой европейской интеграции. Эта связь, например, отчетливо проявилась в Хорватии накануне референдума о вступлении в Европейский союз. Тогда некоторые политики и общественные дея-

¹Priki – Yustalgija (Official video). – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=G5rnIlyhM&feature=youtu.be> (Accessed: 20.12.2017.)

тели выступали с идеей, что ЕС – это новая форма Югославии. Они утверждали, что Загреб освободился от Белграда не для того, чтобы попасть в зависимость от Брюсселя [Rekšć, 2016].

Транслируемый рядом политиков и общественных деятелей позитивный образ югославского прошлого отличается сходными чертами, свойственными ностальгическим образам прошлого в целом.

Одна из важных характеристик ностальгии – ее селективность, предполагающая обращение лишь к отдельным положительным фрагментам действительности. С помощью их объединения в одну картинку создается «позитивная, прекрасная история о прошлом (“память минус боль”), которого никогда в таком виде не существовало» [Velikonja, 2009]. Иными словами, основными чертами ностальгического дискурса являются комплиментарность и эпизодичность создаваемого образа прошлого [Velikonja, 2008, p. 28]. Такие особенности ностальгического образа прошлого вполне объяснимы тем, что контуры коллективной памяти определяются деятельностью «лидеров» памяти, которые используют созданные на основе фрагментарного восприятия действительности образы для обеспечения общественной поддержки. Данные фрагменты извлекаются из контекста и соединяются между собой в позитивный образ без учета этого контекста. Отсюда и другие особенности ностальгии – вневременность и экстерриториальность [ibid.]. Поскольку ностальгические образы формируют конкретные «лидеры памяти» со своими порой конфликтными интересами, действующие в конкретных условиях, ностальгия по прошлому отличается также многозначностью и наличием конфликтных нарративов [ibid.].

Как отмечалось выше, позитивный образ Югославии и ностальгические настроения существуют и используются на разных уровнях. При этом довольно сложно провести грань между политическим и иным их использованием, поскольку неполитические формы влияют на повестку дня и могут использоваться и часто используются «лидерами памяти» в политических целях. При этом важно отметить, что в публичном пространстве югоностальгия возникла и преимущественно развивается в виде «ревизионистской ностальгии» [Volčič, 2007], т.е. как тип коммеморации и мобилизации образа прошлого в ответ на запрос о ревизии официальной интерпретации прошлого и возрождение разделяемого восприятия принадлежности. Связано это в первую очередь с ис-

торией дезинтеграции Югославии, военными конфликтами и мобилизацией этничности на разных уровнях общественно-политической жизни.

История публичной демонстрации югоностальгических настроений показывает не только ее ревизионистский характер, но и расплывчатость границ между ее политическим и неполитическим использованием. Одна из первых публичных инициатив в этом направлении относится к 1989 г., когда еще официально существовала СФРЮ. Группа интеллектуалов, среди которых были Д. Угрешич, Д. Кршич и И. Молек, провозгласила себя «югославами», тем самым выступив за сохранение общего наследия сообщества, переживающего дезинтеграцию [Pauker, 2006, p. 73–74]. Позже была опубликована книга с этими идеями («Лексикон Ю. мифологии») и в 2011 г. соответствующий сюжет нашел воплощение в театральной пьесе. В конце 1980-х годов югоностальгия воспринималась как маргинальное явление, распространенное преимущественно среди интеллектуалов, придерживающихся левых взглядов в противоположность правым националистическим лидерам памяти, желающим сформировать новую идентичность. Однако количество позитивно оценивающих югославский опыт постепенно увеличивалось не только среди интеллектуалов, но и среди политиков, а позитивный образ прошлого стал использоваться в публичных дискуссиях и акциях.

Позитивное использование образа Югославии и проявление югоностальгии в публичном пространстве обнаруживаются в различных формах [Volčič, 2007; Mazzucchelli, 2012]. В данной статье мы остановимся на одной из них – титостальгии, которой присущи основные черты ностальгического отношения к прошлому. В частности, Н. Великоня показывает, что одной из основных черт титоностальгии является деконтекстуализация образа И.Б. Тито. В публичном пространстве используется не образ реального человека, а собирательный образ, «новый утопический нарратив» [Velikonja, 2008, p. 130].

Как и социалистическая Югославия, фигура ее лидера И.Б. Тито вызывает неоднозначную реакцию на постъюгославском пространстве. В начале и середине 1990-х годов на уровне официальной политики доминировало стремление вычеркнуть И. Тито из коллективной памяти. Например, в Сербии были переименованы улицы и населенные пункты. В частности, одна из центральных улиц Белграда, носившая имя Тито, и город Титово Ужице (ныне

Ужице). Известный памятник И. Тито, находившийся в этом городе, в 1991 г. был демонтирован и перемещен в местный музей. В Хорватии переименован город Титова Кореница (ныне Кореница). В родном городе И. Тито Кумровце в Хорватии памятник югославскому лидеру был взорван в 2004 г.

Однако эти акции носили ограниченный характер. Так, в Белграде имя Тито сохранили ряд улиц на окраине города. Площадь Маршала Тито в центре Загреба до сих пор так называется. Часть улицы в центре Сараево носит имя Тито, в этом городе сохранилось много символов, напоминающих о нем. Сохранился и памятник Тито в нынешнем университетском городке Боснии, на территории бывших казарм. Д. Карачич показывает, что уничтожение памяти Тито в Боснии и Герцеговине происходило только на территориях, которые во время войны находились под контролем хорватских военных [Karačić, 2012].

Самый большой из имевшихся памятников И. Тито сохранился по сей день в Словении, он стоит на центральной площади города Веленье. В сербском городе Ужице поклонники Тито выступают за восстановление его памятника на главной площади – Площади партизан. Организация, представляющая бывших партизан SUBNOR, обратилась к президенту Сербии с просьбой вернуть ее на прежнее место. Памятник в Кумровце во время взрыва получил незначительные повреждения и был восстановлен.

Каждый год сотни людей собираются у мемориального комплекса в Белграде, мавзолея и музея И. Тито. Сербское правительство ежегодно тратит на этот комплекс около 52 495 000 динаров (477 227 евро). Памятные мероприятия, собирающие значительное количество людей, проходят и в Кумровце. В частности, там широко отмечается День молодежи – символический день рождения И. Тито.

Объектом почитания является и построенный в 1946 г. и отделанный ценными породами дерева «голубой поезд» И. Тито, на котором он путешествовал по стране. Иногда этот поезд совершает ностальгические туристические поездки по столицам бывших союзных республик.

В бывших республиках СФРЮ созданы мемориальные общества И. Тито. Первое было открыто в Хорватии в 1996 г., деятельность его охватывала Загреб и Истрию, где преобладали левые политические настроения. В 2000 г. с их участием был проведен

первый праздник в Кумровце. Впоследствии такие общества были созданы в Боснии, Сербии, Македонии, Словении и Черногории. В организации праздников и иных мероприятий, связанных с памятью о Югославии и Тито, им помогают ветеранские и партизанские организации.

Эти организации фактически превратились в признаваемых политических акторов. Они образуют гражданские ассоциации и вступают в формальные или неформальные союзы с политическими силами, преимущественно левой направленности. Они участвуют в обсуждении событий Второй мировой войны, югославских войн, национальных интересов и обид, политики националистических и антинационалистических партий и многих других вопросов. Участвуя в создании альтернативного образа прошлого, эти организации действуют не в целях реставрации этого прошлого, а для того, чтобы образ прошлого можно было использовать как аргумент для политического будущего [Kurtović, 2011].

Память о Югославии в различных контекстах: Пример Сербии, Боснии и Герцеговины

В постъюгославских странах в зависимости от контекста тематика, связанная с восприятием СФРЮ (в том числе идеи югостальгии) приобретают ту или иную степень политической актуальности и важности в политике памяти. Связано это прежде всего со следующими факторами. Во-первых, это особенность этнических и религиозных размежеваний в постъюгославских странах. Во-вторых, роль бывшей союзной республики в составе СФРЮ, довоенной Югославии и других государственных образованиях и история получения независимости и последующего развития. В-третьих, экономическое положение стран постъюгославского пространства. В-четвертых, значимые политические события, такие как выборы, вступление в Европейский союз и другие.

Выбранные нами казусы отличаются по этим параметрам, но есть между ними и определенное сходство. Оно заключается в нерешенных «учредительных» вопросах относительно национальных границ и членства в нации, наличии неудачных или удачных попыток сецессии.

В Сербии период существования самостоятельного средневекового государственного образования сменился турецким завоеванием, однако в 1878 г. Сербия получила независимость и была провозглашена королевством. После Первой мировой войны она стала ядром Королевства сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Королевства Югославии). С 1945 г. Сербия в качестве республики входила в состав Федеративной народной республики Югославии (впоследствии СФРЮ), в которой сербы, составлявшие 45% населения, занимали доминирующее положение в управлении страной: вместе с черногорцами им принадлежало около 84% должностей в государственном аппарате Югославии и около 70% военных постов в Народной армии [История... 1963]. Основные сложности в Сербии с точки зрения консолидации населения были связаны с существованием в ее составе Воеводины со значительным венгерским населением и особенно Косова и Метохии с албанским населением. Еще в период существования СФРЮ в Косово происходили выступления против центральной власти, где звучали лозунги объединения с Албанией. Власти были вынуждены расширить автономию двух краев и снизить вмешательство в дела Косова, включая усилившееся давление на сербское население. В результате в 1961–1981 гг. из Косова уехало 42% проживавших там сербов и 63% черногорцев [Никифоров, 2012, р. 81].

После распада Югославии Югославская армия участвовала в войне в Хорватии на стороне хорватских сербов. Сербия также поддерживала сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине, в результате чего против Сербии были введены экономические санкции ООН. Обострение ситуации в Косово, военный конфликт, бомбардировка Белграда и других сербских городов подразделениями НАТО вынудили Сербию согласиться на ввод в Косово международных сил безопасности. В 2008 г. парламент Косова объявил о независимости республики. В 2006 г. распался Государственный союз Сербии и Черногории. С этого времени Сербия существует в нынешних фактических границах.

В результате событий, связанных с распадом Югославии, изменилась этническая конфигурация населения Сербии. Перепись населения 1991 г. с учетом Косово показывала, что сербы составляют 66% населения республики, в то время как албанцы – 17%. В 2011 г. перепись проводилась уже без учета Косова. Согласно ее результатам, доля сербов в населении значительно выросла и со-

ставила 86,6%. Следующая по численности этническая группа – венгры, их доля в населении невелика – 3,67% [Попис, 2014].

История развития государственности Боснии и Герцеговины иная. Период существования средневекового государственного образования также закончился подчинением Османской империи в результате завоевания. Босния и Герцеговина существовала в качестве административной единицы в составе других государственных образований, самостоятельным государством она стала лишь в 1992 г.

В отличие от других республик СФРЮ, в Боснии и Герцеговине не было одной доминирующей национальной группы, а было и есть три основных: босняки («мусульмане» в период социалистической Югославии), сербы и хорваты. Босняки как народ сложился в результате политики исламизации, проводимой в Османской империи. Доля сербов, которые доминировали в населении Боснии и Герцеговины, сократилась во время Второй мировой войны в результате усташского террора, массового уничтожения сербов и переселения хорватов и мусульман из других областей в послевоенный период. Переписи, проведенные после получения независимости и боснийской войны, показали не очень большие изменения в составе населения. В основном они касались людей, идентифицировавших себя как югославы. По данным переписи 1991 г., 43,5% населения Боснии и Герцеговины идентифицировали себя как «мусульмане», 31,2 – сербы, 17,4 – хорваты и 5,6% – югославы. В 2013 г. 50,11% считали себя босняками, 30,78 – сербами и 15,43% хорватами; по религиозной принадлежности 50,7% – мусульманами, 30,7 – православными, 15,2% – католиками [Popis, 2013].

Сложная историческая судьба государства, мультиэтничность и мультиконфессиональность населения определяют тот факт, что до сих пор довольно остро стоит вопрос исторической легитимности государства. Образование современной Боснии и Герцеговины сопровождалось войной 1992–1995 гг. с многочисленными жертвами, которая укрепила разногласия и раскол между этническими группами. В результате войны были заключены Дейтонские соглашения, которые являются основополагающими для организации и функционирования государства Боснии и Герцеговины с элементами консоциации. Критическое отношение к Дейтонским соглашениям со стороны некоторых представителей

этнических элит, слабость центрального правительства и сосредоточение большинства властных полномочий в руках двух энтитетов, Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской, узаконенная роль международного сообщества в управлении страной осложняют процесс преодоления разногласий по «устанавливающим» государство и нацию вопросам.

Важным фактором, обуславливающим разногласия по поводу интерпретации прошлого, в том числе и отношение к социалистической Югославии, является очень сложное экономическое положение страны. Инфраструктура и экономика сильно пострадали в период Боснийской войны. В рейтинге конкурентоспособности ВЭФ за 2015–2016 гг. Босния и Герцеговина оказалась лишь на 111-м месте [Competitiveness Rankings]. В стране крайне высокий уровень безработицы и огромный государственный долг.

Отмеченные особенности политического, национального и экономического развития этих республик во многом обусловили подъем националистических настроений в период распада Югославии и становления новых независимых государств. В Сербии это произошло еще в период правления С. Милошевича, что не могло не сказаться на политике памяти и ее основном дискурсе, которые претерпели серьезные изменения. Идеологическая ориентация на «братство и единство» народов постепенно сменялась националистической риторикой, стал создаваться образ Великой Сербии. В публичных дискуссиях и официальных выступлениях появилась тема виктимизации сербов. Исторический ревизионизм стал играть важную роль в ее обосновании: сербы стали изображаться жертвами исторических обстоятельств.

Деятельность ряда ученых из Сербской академии наук, писателей и средств массовой информации способствовала усилению роли темы этнических конфликтов в повестке дня и созданию националистического дискурса, благоприятного для оправдания и легитимации военных операций периода Хорватской и Боснийской войн и Косовского конфликта. В том числе переосмысливались моменты истории, имевшие основополагающее значение для возникновения социалистической Югославии. Этому служили ревизионистские интерпретации событий Второй мировой войны сквозь призму национализма, антикоммунизма и традиционализма, внимание к преступлениям, совершенным партизанами, создание нового образа четников и обсуждение авторитарного характера

режима И. Тито. В 1989 г. видный сербский националист В. Шешель посетил США, где один из лидеров сербских четников М. Джутч присвоил ему звание воеводы.

После падения режима Милошевича новая политическая элита не пересмотрела националистическую программу, имеющую конфликтный потенциал. Публичный дискурс длительное время во многом контролировался государством. Под контролем были многие сектора экономики и Сербский Телеком. Публикация учебников истории контролировалась Советом по изданию учебников, тесно связанным с членами правящей партии. Свободные СМИ занимали маргинальное положение.

Сформированный националистический дискурс, в котором присутствовали антиевропейские настроения и неприятие решений Международного трибунала по бывшей Югославии, продолжал успешно существовать и зачастую определял повестку дня. Особенно показательны в этом отношении заявления В. Коштуницы и других представителей правой Демократической партии Сербии про необходимость объединения сербов на антикоммунистической и националистской основе. Популярная после падения режима Милошевича и вплоть до раскола в 2008 г. Сербская радикальная партия резко осуждала «югославизм» как «историческую болезнь» и считала образование югославянского государства ошибкой.

По-прежнему замалчивались традиции антифашизма и участие сербов в партизанском движении периода Второй мировой войны. В начале 2000-х годов был отменен праздник по случаю восстания против фашистов. Были приняты законодательные меры, уравнивающие в правах партизан и четников. Официально было признано их равноправное участие в сопротивлении фашизму [Govedarica, 2012].

Постепенно стали получать распространение оппозиционные дискурсы как реакция на гомогенизацию идентичности, среди которых югоностальгия, допускающая мультикультурные модели, развитие и распространение которых было осложнено во время дезинтеграции Югославии и в последующий период. В публичном пространстве активнее обсуждались темы, связанные с возникновением социалистической Югославии, восстанавливались места памяти, связанные с периодом Второй мировой войны и борьбой с фашизмом, например кладбища освободителей Белграда. В 2014 г. в Белграде прошел военный парад в честь 70-летия освобождения

города от фашистов. Некоторым улицам Белграда были возвращены имена советских полководцев, правда, не в центре города, а на его окраинах [Govedarica, 2012].

Однако в целом в Сербии югоностальгия получает распространение в первую очередь на бытовом и культурном уровне. Один из самых посещаемых музеев Белграда – Музей истории Югославии. Есть несколько кафе с югославской и коммунистической символикой, например кафе «Красная банда» в центре сербской столицы. В 2013 г. в Белграде прошла выставка «Хорошая жизнь», посвященная Югославии, о некоторых других проявлениях югоностальгии упоминалось выше.

Что касается политической сцены, то здесь идеи юго-ностальгии менее популярны. Это связано с трагическими событиями, сопровождавшими распад Югославии, распространением и популярностью националистических идей и рационалистическим представлением подавляющего большинства политиков и населения страны о том, что восстановление Югославии в настоящее время невозможно. Прямое использование югославской темы в политической риторике – не частое явление. В нынешнем политическом контексте Сербии оно не приносит больших дивидендов. Так, в 2009–2010 гг. внук маршала Тито И.Б. Тито объединил разные коммунистические организации в рамках Коммунистической партии Сербии. Эта партия использует позитивный образ Югославии и югославскую тематику в своей риторике. На выборах 2012 г. она не прошла в парламент, а на выборах 2014 и 2016 гг. получила только одно место.

Использование позитивного образа Югославии и ностальгических настроений в Боснии и Герцеговине более заметно в публичной сфере. В этой стране используется большое разнообразие трактовок прошлого, связанного с возникновением и существованием СФРЮ. Особенности политики памяти Боснии и Герцеговины объясняются в первую очередь существующими этническими размежеваниями между сербами, босняками и хорватами. События прошлого трактуются с учетом интересов той или иной этнической группы. Существующие официальные и неофициальные интерпретации прошлого, сфокусированные на истории той или иной этнической группы, отличаются разнообразием и во многих отношениях противоречат друг другу.

В Республике Сербской доминируют представления о прошлом, ориентированные на интересы сербского населения и окрашенные в националистические тона. На официальном уровне существование этого энтитета в рамках Боснии и Герцеговины подвергается сомнению. В публичном пространстве раздаются голоса в защиту идеи независимости и развития сербов в рамках единой сербской нации [Correia, 2013].

Подкреплению этих идей служит деятельность институтов памяти. Так, в 2007 г. в Республике Сербской была создана Комиссия по воспитанию традиций освободительных войн. Она выделила 20 важных исторических дат, половина из которых относится к периоду до 1992 г. Согласно ее выводам, история Республики Сербской – история борьбы за свободу сербов против дискриминации со стороны мусульман и хорватов. В такой логике образование Республики Сербской в 1992 г. представляется обоснованным, как и получение независимости в будущем.

На территории Республики Сербской не разрушались места памяти партизан. Здесь находится не только парк Козара, но и другие памятные места, связанные с деятельностью И. Тито и событиями Второй мировой войны. В частности, решающей была битва с фашистскими силами в 1943 г. в долине реки Сутьеска. Позднее в Национальном парке Сутьеска был открыт мемориальный комплекс Долина героев, который в период существования социалистической Югославии ежегодно посещали около 30 000 человек. Широко отмечались и круглые даты. С 2000 г. на Тьентиште снова начали отмечать годовщину битвы между партизанами и фашистами. В 2011 г. комплекс был взят под охрану ЮНЕСКО.

В отличие от преобладающего нарратива в политике памяти Республики Сербской, в кантонах Федерации Боснии и Герцеговины с доминирующим хорватским населением и среди хорватских политиков право Боснии и Герцеговины на существование не подвергается сомнению. В трактовках прошлого присутствуют идеи о важной исторической роли хорватов в жизни Боснии и Герцеговины, их давнего присутствия на этой территории и необходимости формирования собственной административно-политической единицы.

Территория Боснии и Герцеговины, находившаяся под контролем военизированной организации «Хорватский совет обороны», подверглась наиболее активному уничтожению памятников и других символов, связанных с деятельностью партизан в период

Второй мировой войны и И. Тито. В частности, изменились названия всех улиц, напоминавших об их деятельности [Karačić, 2012]. В настоящее время в публичном пространстве позитивный образ Югославии здесь не используется.

Обращение к югославской тематике в большей степени характерно для боснийского публичного дискурса. Особенно это заметно в риторике боснийских политических партий и связанных с ними общественных организаций. Популярность этой тематики и распространение югоностальгических настроений связаны в первую очередь со сложным экономическим положением в стране, высоким уровнем безработицы и нерешенными внутренними межэтническими противоречиями. Кроме того, именно на территории Боснии и Герцеговины во время Второй мировой войны происходили крупные сражения против фашистских сил под руководством И.Б. Тито. В городе Яйце в годовщину Второго конгресса Антифашистского совета Национального освобождения Югославии, который прошел в ноябре 1943 г., отмечалось рождение Титовской Югославии.

Одно из проявлений ностальгических настроений по бывшей социалистической Югославии – югоностальгические общества, в том числе общества памяти И.Б. Тито. В Боснии и Герцеговине югоностальгические общества связаны с левыми партиями, в частности Лигу обществ Иосипа Броз Тито поддерживает Социал-демократическая партия (СДП), наследница Коммунистической партии Боснии и Герцеговины. Эта партия имеет наибольшую поддержку в Федерации Боснии и Герцеговины. Руководитель отделения Лиги в Сараево Горан Бехмен – член СДП и сын бывшего премьер-министра Федерации Боснии и Герцеговины и мэра города до 2013 г., одного из известных деятелей этой партии. Многие молодые члены отделения Лиги входят в муниципальный Молодежный форум СДП или вступили в эту партию. Социал-демократическая партия поддерживает ностальгические настроения в обществе, обеспечивая тем самым себе поддержку избирателей [Kurtović, 2011]. В своей риторике она обращается к позитивным и наиболее успешным аспектам югославского прошлого, игнорируя менее яркие моменты и проявления несправедливости. Другие социалистические и социал-демократические партии страны также демонстрируют поддержку деятельности обществ, посещают памятные социалистические места.

В отличие от хороших связей отделения Лиги в Сараево с социал-демократами, отношения соответствующей организации с социал-демократическими партиями в Республике Сербской складываются не очень гладко. Причина этому в том числе в том, что последние путем обращения к темам памяти о прошлом, связанным с социалистической Югославией, пытаются решать задачи продвижения националистической риторики [Correia, 2013]. Так, например, наиболее популярный среди этих партий Союз независимых социал-демократов, возглавляемый лидером боснийских сербов М. Додиком, взял на себя организацию ежегодного коммеморативного мероприятия в Национальном парке Козара – месте крупной битвы 1942 г., фактически лишив такой возможности местное отделение Лиги. Несмотря на то что это место – символ многонационального партизанского сопротивления, партия использовала это мероприятие для распространения националистической риторики. В частности, в одном из выступлений в 2010 г. ее лидер связал партизанскую борьбу против фашизма и современную борьбу боснийских сербов за признание независимости от иностранного вмешательства международного сообщества [Kurtović, 2011], а одна из выставок в Музее памяти партизан в Козаре называлась «Геноцид сербов в XX веке: 1914–1918, 1941–1945, 1991–?» [Correia, 2013].

Иное использование югоностальгической тематики в политической жизни Республики Сербской успеха не имеет. Так, в 2008 г. в Банье Луке члены Общества памяти И. Тито образовали свою партию с символическим названием «Лига коммунистов Боснии и Герцеговины», однако партия не имела успеха на выборах.

Заключение

В целом анализ опыта восприятия и использования образа СФРЮ в публичном пространстве в республиках бывшей Югославии показывает следующее. Популярность этой тематики на бытовом уровне, связанная в первую очередь с драматическими событиями периода распада Югославии, нынешним сложным социально-экономическим положением и существующими этническими противоречиями, не всегда имеет такой же широкий отклик в политической риторике. Среди «контргосударственных» трактовок про-

шлого и национальной идентичности более популярны в целом те, которые основаны на интересах определенной этнической группы. Вместе с тем распространенность «нового югославизма» в публичном дискурсе разных республик постъюгославского пространства и их составных частей, его использование и трактовки неодинаковы и зависят от контекста, как и роль соответствующих общественных и политических сил. Этому способствуют фрагментарность и многозначность позитивного и негативного образов социалистической Югославии и связанных с ней событий.

Список литературы

- Брубейкер Р.* Этничность без групп. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- История Югославии. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 2. – 430 с.
- Качалин К.* Эмир Кустурица – философские размышления о XX веке и не только // *Международная жизнь*. – М., 2013. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/9869> (Дата посещения: 12.02.2018.)
- «Левада-центр»: 68% россиян хотели бы возвращения к социализму и СССР // *Ведомости*. – М., 2016. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/04/19/638242-68-rossiyan-sotsializmu> (Дата посещения: 22.02.2018.)
- Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. XX век. – М.: Индрик, 2012. – 176 с.
- Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Етно-конфесионални и језички мозаик Србије / Др Ђурић В., Проф др Танасковић Д., Проф др Вукмировић Д., Лађевић П. – Београд: Републички завод за статистику, 2014. – 207 р.
- Buric F.* Dwelling on the ruins of socialist Yugoslavia: Being Bosnian by remembering Tit // *Postcommunist nostalgia* / М. Todorova, G. Zsuzsa (eds). – N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2010. – P. 227–243.
- Competitiveness rankings / World economic forum. – Mode of access: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/> competitiveness-rankings/ (Accessed: 15.01.2018.)
- Correia S.* The politics of memory in Bosnia's Republika Srpska // *Bosnia-Herzegovina since Dayton: civic and uncivic values*. – Ravena: Longo, 2013. – P. 329–350.
- Govedarica N.* Zemlја nesigurne prošlosti: Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991–2011. Godina // *Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine*. – Sarajevo: Asociјacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije (ACIPS), 2012. – P. 163–234.
- Husanović J.* Između traume, imaginacije i nade. Kritički ogledi o kulturnoj produkciji i emancipativnoj politici. – Београд: Фабрика књига, 2010. – 210 р.
- Jusić T.* Medijski diskurs i politika etničkog sukoba. Jugoslovenski slučaj // *Intima javnosti. Okviri predstavlјanja, narativni obrasci, strategije i stereotipi konstruisanja*

- Drugosti u upečatljivim događajima tokom razgradnje bivše Jugoslavije: štampa, TV, fim / Ed. by Đerić G. – Beograd: Fabrika knjiga, 2008. – P. 40–63.
- Kansteiner W.* Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies // *History and theory*. – 2002. – N 2. – P. 179–197.
- Karačić D.* Od promoviranja zajedništva do kreiranja podjela Politike sjećanja na partizansku borbu u Bosni i Hercegovini nakon 1990. godine // *Re:vizija prošlosti*. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine. – Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije (ACIPS), 2012. – P. 17–90.
- Kurtović L.* Yugonostalgia on wheels: Commemorating Marshal Tito across Post-Yugoslav border // *Newsletter of the Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies*. – Berkeley, 2011. – N 2. – P. 2–13, 22, 23.
- Mazzucchelli F.* What remains of Yugoslavia? From the geopolitical space of Yugoslavia to the virtual space of the Web Yugosphere // *Social science information*. – N.Y., 2012. – Vol. 51. – P. 631–648.
- Many in Balkans still see more harm from Yugoslavia breakup / GALLUP. – Mode of access: http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (Accessed: 10.02.2018.)
- Pauker I.* Reconciliation and popular culture: A promising development in former Yugoslavia? // *Local-Global: Identity, security, community*. – Melbourne, 2006. – N 2. – P. 72–82.
- Petrović T.* Jugoslovensko nasleđe i politike budućnosti u postjugoslovenskim društvima. – Beograd: Fabrika knjiga, 2012. – 211 p.
- Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Bosni i Hercegovini. 2013. Rezultati popisa. – Mode of access: <http://www.popis2013.ba/popis2013/doc/Popis2013prvotldanje.pdf> (Accessed: 2.09.2017.)
- Rekšć M.* Post-Yugoslav collective memory between national and transnational myths // *Polish political science yearbook*. – Warsaw, 2016. – Vol. 45. – P. 73–84.
- Spasić I.* Kultura na delu. Društvena transformacija Srbije iz burdijeovske perspective. – Beograd: Fabrika knjiga, 2013. – 318 p.
- Velikonja M.* Lost in transition // *East European politics and societies*. – L., 2009. – Vol. 23, N 4. – P. 535–551.
- Velikonja M.* ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici // *Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture* / Ed. by Perica V., Velikonja M. – Beograd: Biblioteka XX vek, 2012. – P. 67–171.
- Velikonja M.* Titostalgia: A study of nostalgia for Josip Broz. – Ljubljana: Peace Institute, 2008. – 146 p.
- Volčič Z.* Yugo-nostalgia: Cultural memory and media in the former Yugoslavia // *Critical studies in media communication*. – L.: Routledge, 2007. – Vol. 24, N 1. – P. 21–38.